

ARTYOM KARACHUN

SMOLENSK, RUSSIA

When a world ends a child smiles. And children, thousands of them, smiled when the Berlin Wall came down. I was among them. I wasn't smiling because the Wall had come down or because my heart was aching for freedom, or because my head was full of thoughts about the forthcoming changes. I was smiling only because my mother was looking at me lovingly and playing with me. I did not hear the thunder of the bricks hitting the ground, didn't hear the people weeping with joy, and Gorbachev's speeches did not exist for me. There was nothing in my life besides a very small house on the edge of a little town in Belarus, besides the warm and kind people, my people, around me, who were inexplicably apprehensive in spite of the fact that their beloved son was with them.

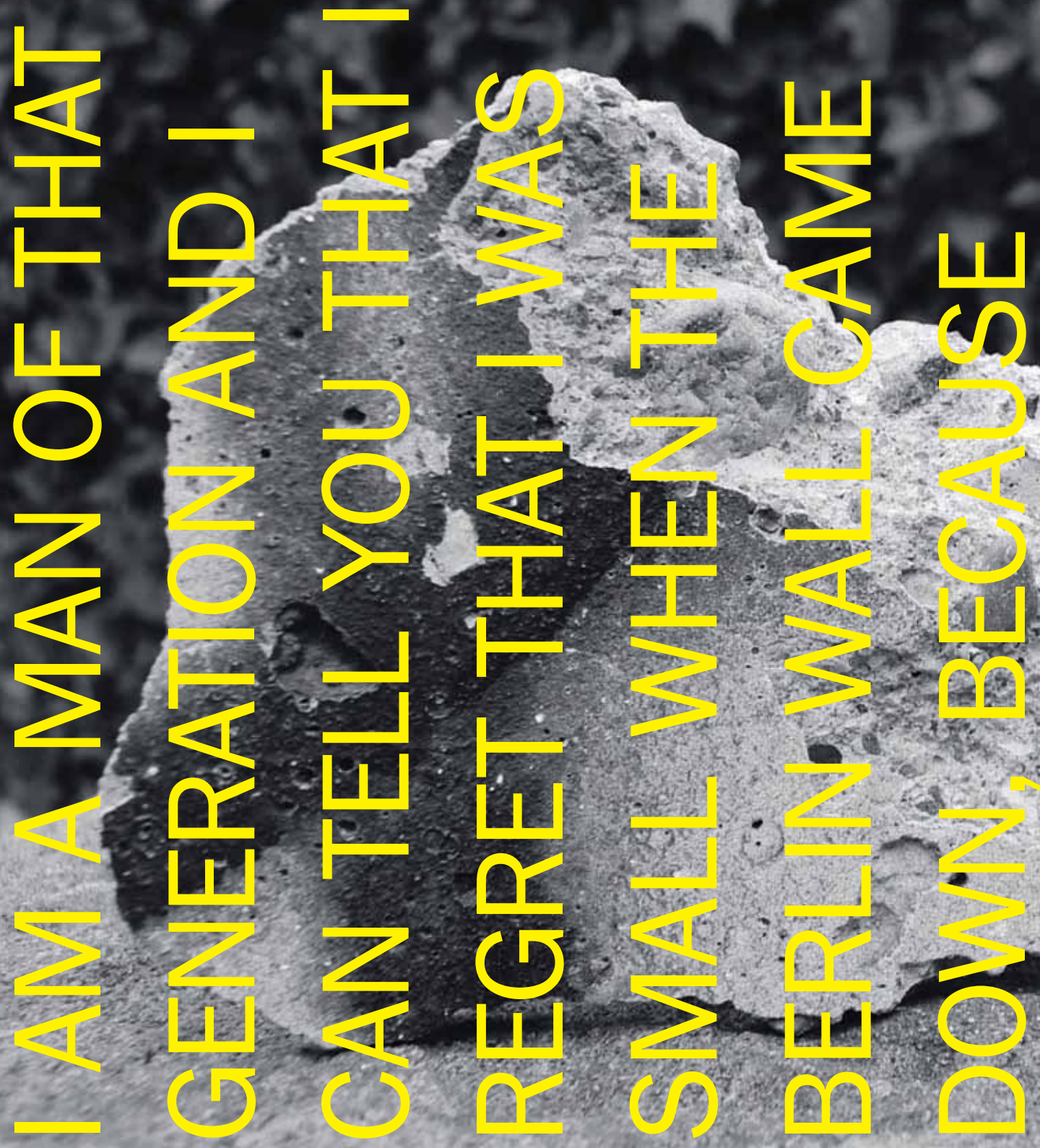
I am grateful to my memory. I am grateful to the tenacious memory I had as a child, one that carved light and dark patches into my life and left them in my soul forever. There was a day at the beginning of the nineties that I shall never forget: my parents had finished regularising their citizenship and were already living on Russian soil, and we were so poor that there was nothing for me to eat. That day mother bought one pastry, for me, and said, "Here you are, Artyom, this is your supper and don't ask for anything until tomorrow." You won't eat bread anyway, and I only had enough money for this pastry." Like hell was she thinking then about how free she was. And I know that there were many similar cases. But I could still smile, because I was still very small, and because the pastry tasted good.

I shall also never forget the day when I first felt that I was free. Like all people of my generation, I was at school, in the senior classes, but I can't judge whether at that time

everybody understood, as I did, that freedom had ascended the throne in that earthly space called Russia with such force that it would, at times, be necessary to bring in restrictions and build walls.

At the time, Smolensk, where I lived, was being called "a second Chicago" because of the number of contract killings taking place on its streets. There is one night that I have stored in my memory forever. At two in the morning my mother came into the room I shared with my sister, with a pair of binoculars in her hands. She stood for a long time looking at what was going on by the main entrance to our building. I looked as well and saw a man in a tracksuit, covered in blood, in the light of police car headlamps. There was a little hole in his chest and also in his head. Beside the man lay some flowers and some sweets. He had been on his way to a date. The policemen stood beside him. A woman was searching the body. That was the first time I had seen a dead body. I could still smile though, because I was still in my warm family home, high up on the fourth floor, and I was not involved.

In fact my head, and my heart and soul and awareness, had been turned by an ardent, innocent and memorable love. I was free when kissing, I was free when singing songs until late in the yard, I was free when I came home completely intoxicated by the smell of that girl's hair, the smell of leaves drenched by a May downpour, the smell of the hot white concrete of rooves in summer. And I was happy in spite of being poor and having no influence or education, because someone else had appeared, another person to whom I felt like smiling until I cried. And precisely on that day, when I first consciously fell in love with another person, regardless



I AM A MAN OF THAT
GENERATION AND I
CAN TELL YOU THAT I
REGRET THAT I WAS
SMALL WHEN THE
BERLIN WALL CAME
DOWN, BECAUSE

I WOULD HAVE BEEN
THE FIRST TO SNATCH
A BRICK OUT OF IT
WITH MY BARE HANDS
...IN THE NAME OF
FREEDOM.

ARTYOM KARACHUN

of their political or religious opinions, their opportunities and prospects, with no thought for material motives, that was the day I felt free!

I started working at an early age. At sixteen. I started off as a yard caretaker and a market trader. My Indian T-shirts “from the home of elephants and tea” were not particularly successful, but I did make a bit of money. For a long time I lived in total isolation from the state, like any other child or teenager. The grown-ups would say that the politicians were lying to us, promising the moon at the elections, but to be honest I was more inclined to believe the news presenters. Tatyana Mitkova inspired particular trust. It was only much later that life taught me not to trust beautiful women. But at the time I felt how wonderful my country would become any moment now, if not tomorrow then the day after. And my life, the life of a personality, a person, as a thinking being, really was improving.

I entered university like many people of my generation. I went without knowing that this was something people didn't need, not knowing that five years later I would be on the verge of drinking myself to death because of my thoughts about the future and my loneliness. I did not know, at the time, that the price of freedom would turn out to be – not responsibility, but monetary payments to the exchequer, which for a long time appeared to be insolvent. I simply entered university inspired by the holy idea of Learning, which pervades everything and would prevent me from living my life incorrectly. There was not a great deal of learning in my student years, but maybe that is for the best. My first years of study were a carefree extension of school. The only difference was that now I had an opportunity to study just twice a year, for the exam sessions, while the rest of the time I could, considering my ability, merely drop in on the lessons. But, as happened with many others of my generation, the terrible day was approaching with appalling speed when I would have to leave my alma mater and enter that wonderful grown-up life. In Russia, glamour and Vladimir Vladimirovich Putin reigned. The glamour is fading away already, making room for an economy campaign, but Putin is still there. I felt less and less inclined to smile, but all the same I had lots of books I wanted to read, a lot of songs I wanted to hear, and a lot of people on whom I smiled. But more and more frequently there cropped up faces of the type that one didn't want to see at all.

Now I am a second year post-grad. That's the social category of young people that I belong to. I must admit the company is very varied. How many second year post-grads do you think have tattoos? How many have ever opened a book on the history of philosophy, if only once? Are many of them

fluent in a foreign language in which they have passed an exam at higher degree level? Or indeed fluent in Russian, at the level of a final-year schoolchild? Take a look at the postgraduate entrance exams in any university outside the Moscow ring road – you'd feel even less like smiling. My hair, the hair of a twenty-three year old, is already going grey. Not because of the dolce vita. I belong to a generation of people who did not witness the fall of the Berlin Wall and do not recall Gorbachev's speeches, people who survived the bandit wars of the nineties, never fought in Chechnya, are very agile in creating an SMS on their mobile phones, who didn't study the history of the Communist Party of the Soviet Union, who survived “epidemics” of bird flu, mad cow disease and BSE, and will survive swine flu. People who remember when talk of holes in the ozone layer ceased, people who saw Beslan and Nord-Ost, people who became superfluous “specialists” at a time of redundancies, when one set of economic principles was replaced by another, who saw their mothers' arms falling helplessly...

I am a man of that generation and I can tell you that I regret that I was small when the Berlin Wall came down, because I would have been the first to snatch a brick out of it with my bare hands merely in the name of the holy ideal for which you were fighting, in the name of Freedom. May God help us to carry on smiling.



theonewhosaves@gmail.com

АРТЁМ КАРАЧУН СМОЛЕНСК (РОССИЯ)

Когда рушится мир, ребёнок улыбается. И дети, тысячи детей улыбались во время падения Берлинской стены. И я среди этих детей тоже был. Не потому я улыбался, что стена упала, и сердце моё рвалось к свободе, а голова была полна мыслями о грядущих переменях. Я улыбался лишь потому, что мама смотрела на меня любящими глазами и играла со мною. И я не слышал грохота кирпичей, падающих на землю, не слышал плача счастливых людей, не было для меня и выступлений Михаила Горбачёва. Ничего не было, кроме маленького домика на окраине белорусского городка, кроме тёплых и добрых людей, которые были рядом со мной, и которые, несмотря на то, что там был их любимый сын, почему-то волновались и чего-то ждали.

Я благодарен памяти. Я благодарен своей цепкой детской памяти, которая вырезала светлые и тёмные пятна из моей жизни и навсегда оставляла в моей душе.

Я никогда не забуду тот день в начале девяностых годов, когда мои родители, определившись с гражданством и живя уже на территории России, оказались настолько бедны, что мне было нечего есть. В тот день мама купила одно пирожное для меня и сказала: «Вот, Артём, это твой обед и до завтра ничего не проси. Хлеб ты всё равно есть не станешь, а денег у меня хватает только на это пирожное». Чёрта с два она думала в этот момент о том, какая она свободная. И я знаю, что таких историй много. Но я всё ещё мог улыбаться, потому что ещё был очень мал, и потому что пирожное было вкусное.

Я также не забуду никогда тот день, когда впервые почувствовал, что я свободен. Я учился, как и все люди моего поколения, в старших классах, но я не могу

судить о том, все ли люди в тот момент так же, как и я понимали, что свобода воцарилась на этом промежутке земной поверхности, который называют Россией, с такой силой, что в пору снова вводить ограничения и строить стены. В то время Смоленск, в котором я жил, называли «вторым Чикаго», потому что на улицах нашего города совершалось много заказных убийств. Одну из ночей я запомнил на всю жизнь. В два часа ночи мама зашла в нашу с сестрой комнату, в руках у неё был бинокль, она долго стояла и смотрела, что творится возле нашего подъезда. Я смотрел тоже и видел, как в свете фар милицеских машин лежал человек в спортивном костюме, весь в крови. У него были дырки в груди и в голове. Возле человека лежали цветы и конфеты. Он шёл на свидание. Рядом стояли милиционеры. Какая-то женщина обыскивала труп. Так я впервые увидел мертвеца. Но я всё ещё мог улыбаться, потому что я-то был в тёплом и родном доме, высоко на пятом этаже, и меня это совсем не касалось. Зато начинала крутить мою голову и моё сердце, мою душу и моё сознание первая пылкая, невинная и такая памятная любовь. Я был свободен в поцелуях, я был свободен в тех песнях, которые пел допоздна во дворе, я был свободен, когда приходил домой совершенно опьянённый запахом волос этой девушки, запахом намокшей под майским ливнем листвы, запахом белого горячего шифера летних крыш. И я был счастлив, несмотря на то, что был беден, не имел авторитета, образования, потому что появился ещё один человек, которому хотелось улыбаться до слёз. И именно в тот день, когда я впервые полюбил другого человека, сознательно, невзирая на его политические или

религиозные взгляды, на возможности и перспективы, не задумываясь о материальных мотивах, именно в этот день я почувствовал себя свободным.

Я начал рано работать. В шестнадцать лет. Я начинал дворником и торговцем на рынке. Мои индийские майки «с родины слонов и чая» не пользовались большим успехом, но какие-то деньги я имел. Долгое время я жил абсолютно отдельно от государства, как и любой другой ребёнок или подросток. Взрослые говорили, что политики врут нам, обещая на выборах золотые горы, а я, честно говоря, был склонен верить ведущим новостей. Особое доверие вызвала Татьяна Миткова. Это гораздо позже жизнь научила меня не доверять красивым женщинам. Но тогда я чувствовал, какой чудесной станет моя страна вот-вот, если не завтра, то точно послезавтра. И моя жизнь, как личности, как человека, как думающего субъекта становилась действительно лучше. Я поступил в университет, как и многие люди моего поколения. Я шёл туда, не зная, что это никому не будет нужно, не зная, что через пять лет я буду на грани запоя от мысли о будущем и от одиночества. Я не знал тогда, что цена за свободу, оказывается, не ответственность, а денежные выплаты в казну государства, которое долгое время оказывалось несостоятельным. Я просто шёл туда, вдохновлённый священной идеей Науки, которая уж точно всё знает и не позволит мне жить неправильно. Науки оказалось немного в годы студенчества, но всё же, это, пожалуй, к лучшему. Первые годы учёбы были беззаботным продолжением школы. Просто теперь я мог учиться два раза в год во время сессии, остальное время занятия при моих способностях можно было просто посещать. Но со страшной скоростью ко мне, как и ко многим людям моего поколения, близился тот страшный день, когда я должен был покинуть alma mater и устремиться в эту чудесную взрослую жизнь. В России правили гламур и Владимир Владимирович Путин. Гламур уходит уже, уступая место экономии, а Путин остаётся. Улыбаться мне хотелось всё меньше и меньше, но всё ещё у меня было много книг, которые хотелось прочитать, много песен, которые хотелось послушать, много лиц, на которые я смотрел с улыбкой. Однако всё больше и больше уже попадалось мне лиц из разряда тех, на которые смотреть не хочется вовсе.

Сейчас я аспирант второго года обучения. Принадлежу к этой социальной группе молодых людей. Компания, надо сказать, разношёрстная. Как вы думаете, сколько аспирантов второго года обучения имеют на теле татуировки? Сколько из них вообще хоть раз открывали книгу по истории философии? Из них многие свободно

владеют иностранным языком, по которому они успешно сдали кандидатский экзамен? Или хотя бы русским языком на уровне ученика одиннадцатого класса? Зайдите на вступительный экзамен в аспирантуру любого университета за пределами МКАД. Меньше всего вам захочется улыбаться.

На моей голове двадцатитрёхлетнего человека уже есть немало седых волос. Не от хорошей жизни они там появились. Я принадлежу к поколению людей, которые не видели падения Берлинской стены, которые не помнят речей Михаила Горбачёва, которые выжили в бандитских войнах девяностых, которые не воевали в Чечне, которые очень быстро набирают смс на клавиатуре сотового телефона, которые не учили в университетах историю КПСС, которые пережили «эпидемии» птичьего гриппа, коровьего бешенства, губчатого энцефалита, и свиной грипп переживут, которые помнят, как перестали говорить об озоновых дырах, которые видели Беслан и Норд-Ост, которые стали ненужными «специалистами» в эпоху увольнений и смены экономических устоев, которые видели опускающиеся в бессилии руки своих матерей...

Я, человек этого поколения, говорю вам, что я сожалею о том, что я был мал, когда Берлинская стена рушилась, потому что я первым бы выдрал из неё кирпич голыми руками во имя одной только священной идеи, за которую тогда боролись вы. Во имя идеи Свободы. И да поможет нам Бог улыбаться и дальше.



theonewhosaves@gmail.com

